

Коралли В.

24.01.19

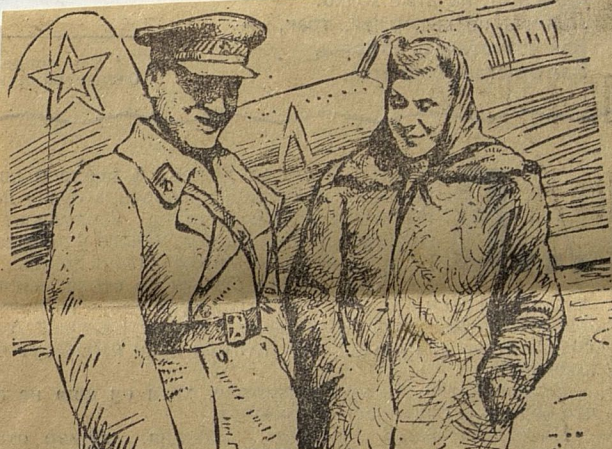

Рисунок художника А. Яр-Кравченко. 1942. Артисты К. Шульженко и В. Коралли у летчиков Ленинградского фронта.

ЭТО БЫЛО зимой 1942 года. Возглавляемый мною фронтовой ансамбль, работавший в творческом содружестве с Клавдией Шульженко, был приглашен на вечер, посвященный награждению орденами и медалями воинов Ленинградского фронта и балтийских моряков.

Когда наш автобус, переваливаясь с сугроба на сугроб, добрался к полуночи до Васильевского острова, где тогда помещался штаб, в большом, ярко освещенном зале уже было много народа: представители всех родов войск — летчики, морские пехотинцы, снайперы, зенитчики, танкисты, минометчики. Со многими мы были уже знакомы, так как не раз выступали в их частях и подразделениях. Здесь же я встретил и своего совсем уж старого, довоенного знакомого — художника Анатолия Никифоровича Яр-Кравченко.

В первые дни Великой Отечественной войны А. Яр-Кравченко (ныне народный художник РСФСР) ушел на фронт. Лейтенант авиации, стрелок-радист, Яр-Кравченко не расстался с карандашом и кистью. В боевой обстановке, по горячим следам событий он создал более 500 портретов защитников ленинградского неба. И теперь, на этом вечере, примостившись неподалеку от сцены, делал свои бесчисленные наброски.

В президиуме были секретарь Ленинградского горкома партии, член Военного совета Ленинградского фронта, один из руководителей обороны Ленинграда Алексей Александрович Кузнецов, командующий Краснознаменным Балтийским флотом Владимир Филиппович Трибуц. С Владимиром Филипповичем мы были знакомы с первых дней войны — часто встречались на кораблях, где давали концерты для моряков.

В. Ф. Трибуц был человеком высокой культуры. И, что особенно меня привлекало, он был большой любитель эстрады, может быть, потому, что были в нем живость ума, способность понимать шутки, каламбуры. Сам мог подхватить шутку и отпарировать ее острым словом.

Штаб Трибуца находился тогда, так сказать, на суше, но в этом обычном здании все было поставлено на морскую ногу — вплоть до того, что привычные гражданские детали здесь назывались флотскими терминами.

После концерта Алексей Александрович Кузнецов подробно расспрашивал меня о жизни нашего ансамбля, о том, в чем мы особенно остро нуждаемся. Я подумал, что именно сейчас могу сказать ему и о дистрофии некоторых музыкантов, и о дрожащих руках

акробата Анатолия Кастелио. Расскажу и попрошу его хоть немного прибавить ребятам пайки и дать кое-какие теплые вещи.

Алексей Александрович задумался. Его, чуть скуластое, худощавое, смуглое лицо стало серьезным.

— Товарищ Коралли, обмундирование — полушубки, валенки, телогрейки — вы получите полностью и немедленно. Что же касается продовольствия...

Лит. 202, 1979, 24.01.19
Владимир
КОРАЛЛИ

РЯДОМ С

СТРАНИЦЫ

ВОСПОМИНАНИЙ

СОЛДАТОМ

— он посмотрел на меня внимательно, — мы пока ни одного грамма прибавить к установленному пайку не можем.

ПО РЕШЕНИЮ Политуправления Ленинградского фронта наш ансамбль направляется для обслуживания Ладожской трассы и частей действующей армии Волховского фронта. В середине февраля 1942 года мы мчались по льду легендарной Ладоги при морозе тридцать два градуса. Это была надежная дорога, «Дорога жизни». И сердце просто заходило от радости, когда мы видели идущий нам навстречу, в Ленинград, непрерывный поток груженых продовольствием машин. На тридцати трех километрах трассы этот поток шел безостановочно.

Нас разместили в деревне Мостовой, расположенной в трех километрах от пристани Кобона, где сосредоточивались все грузы для Ленинграда и откуда начиналась Ладожская трасса. В день мы давали на трассе по два-три концерта. Нашими зрителями были водители автомашин, летчики, охранявшие трассу от вражеской авиации, пехотинцы прибывающего из Сибири пополнения, дорожники, которые строили и ремонтировали ледовую дорогу.

Первый концерт состоялся именно для дорожников и во-

дителей в пункте Кобона — Старая Ладога. Начальник политотдела части майор М. Ковалев проводил нас в ветхий бревенчатый домик, уже заполненный зрителями. Это были дорожники, которые только что вернулись с трассы, где заделывали пробоины во льду. Трудная работа — надо было под бомбами и обстрелом делать новый настил, по которому шли машины, пока не замерзал лед.

Как обычно, после концерта возник короткий митинг, на котором недавние зрители дали слово, что «Дорога жизни» будет работать бесперебойно. Такие митинги были нам особенно дороги. Они как бы включали нашу работу в общий ратный труд страны.

небо казалось закрытым черной тучей. По звуку моторов мы угадываем, что «юнкеры» разворачиваются над деревней и делают заход на пирс, на склады продовольствия, где только что проходил наш концерт. В короткие мгновения между взрывами глаз иногда успевал заметить, как погружался в Ладогу пылающие хвосты немецких бомбардировщиков.

Налет кончился, мы вернулись на пирс и увидели страшную картину. Сколько человеческих жертв! Сколько разрушений! Около землянки у са-

НАЧИНАЛАСЬ весна, и лед на Ладоге становился слабым.

Наша работа на трассе подходила к концу. За два с половиной месяца мы успели дать свыше двухсот концертов.

В апрельский солнечный день на берегу Ладоги, в Кобоне, состоялся наш прощальный концерт. Длился он полчаса. Музыка оркестра сливалась с музыкой паровозных и пароходных гудков. Паровозы подводили вагоны с продуктами к самому пирсу, и их тут же перегружали на пароходы Ладожской флотилии.

И вот мы в последний раз укладываем инструменты в автобус, рассаживаемся сами и направляемся к нашей постоянной базе, в деревню Мостовую. Но даже не успеваем выехать из Кобоны, как начинается налет вражеской авиации. Высакиваем из автобуса и забираемся в канавы. Мы не раз попадали под бомбежку, были достаточно обстреляны, но тогда нам, пожалуй, испытать не приходилось.

Потом из сводки Совинформбюро мы узнали, что в этом налете на Кобону участвовало восемьдесят четыре вражеских бомбардировщика. Тридцать семь из них были сбиты нашими летчиками, зенитчиками. Нам же, спрятавшимся в канавках и воронках,

много берега лежал окровавленный человек... Заместитель начальника пирса Румянцев, который только что объявлял нам благодарность... Огромная воронка зияла как раз на том месте, где проходил наш концерт. Во время выступления я хорошо запомнил вагон-рефрижератор, который стоял на рельсах позади зрителей. Теперь он стоял... в двух-трех метрах от рельсов, просто на земле. Взрывная волна подняла его и переставила на другое место.

МЫ ВЕРНУЛИСЬ в Ленинград и скорее ощутили, чем увидели перемены, связанные с Ладожской трассой. А может быть, солнце начало пригревать по-весеннему, и город казался более оживленным. Чувствовался — явно чувствовался — совсем

другой тонус жизни... На площади у гостиницы «Астория» и у Медного всадника появились огороды, где была посажена разная скороспелая зелень — морковь, петрушка, лук, капуста.

В Ленинграде продолжалась наша обычная работа по обслуживанию воинских частей, аэродромов, госпиталей. Но замечательно, что и в это трудное время у людей не иссякал юмор, склонность к шутке, к веселой проделке.

Помню один концерт в госпитале. В госпиталях мы обычно не имели возможности работать сразу в полном составе. Поэтому небольшими группами показывая короткие, в три-четыре номера программы, шли из палаты в палату. И вот заходим в очередную и видим, что в ней лежит всего один человек. Значит, подумали мы, особенно тяжело ранен. Тем более решили повеселить. Для начала свой акробатический этюд показали Алла Ким и Анатолий Кастелио. С особой проникновенностью спела три песни Клавдия Шульженко, а я в заключение исполнил самые веселые куплеты. Выступаем, а сами следим за выражением лица нашего единственного зрителя: нравится ли? И вдруг видим, как этот тяжело раненый встает с постели. Подходит к нам и жмет руки. «Вот это сила искусства!» — думаем мы в восторге, а человек нам говорит:

— Спасибо, товарищи, хорошо повеселили. Но вы идите туда, к раненым. А я — дежурный врач и после бессонных ночей решил отдохнуть.

...Да, со дня полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады три с половиной десятилетия прошло, а все помнится, словно было вчера...